

УДК 81'1=16+81'373.21

МНОГОЗНАЧНОСТЬ КЛАССА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СВЕТЕ СЕМАНТИКИ ЛИНГВАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Жаботинская С.А.,

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

В статье рассматривается проблема многозначности класса числительных, единицы которого могут обозначать не только количество предметов, но также предметный индекс, место предмета в счетной сукцессии и интенсивность предметного признака. Поскольку различия в значениях сопровождаются различиями в дистрибутивных характеристиках числовых имен, их многозначность можно определить как лексико-грамматическую (частеречную) полисемию. При полисемии значения одной и той же языковой формы связаны между собой. Для объяснения природы связи между различными значениями класса числительных в статье используется методологический аппарат когнитивной лингвистики (семантики лингвальных сетей).

Ключевые слова: имя числительное, частеречное значение, частеречная полисемия, концептуальная сеть, семантика лингвальных сетей.

С утверждением «Мир есть число», которое приписывают Платону, согласится каждый, интерпретировав его при этом по-разному – в бытовом, научном, мифологическом или мистическом планах. О вездесущности числа говорили и поэты: «Бездонного предчувственного смысла / И благодатной мудрости полны, / Как имена вторые нам даны / Божественные числа» (З. Гиппиус). Однако в лингвистике имена чисел, или числительные, всегда были периферийным объектом. Исключение составляют этимологические студии и генеративная грамматика. Этимологические исследования числовых имен, или числительных, ориентированные прежде всего на установление происхождения названий чисел первого десятка, интегрированы в историческую лингвистику (см., например, [22]), где числительные, будучи своего рода лексической универсалией, используются для установления родства языков и реконструкции их общего предка. В генеративной грамматике в фокусе внимания пребывает алгоритм образования комплексных числовых имен (см., например, [20]). Числительное же как часть речи, наделенная, подобно имени или глаголу, своим категориальным значением и своими собственными формальными средствами его выражения, рассматривается лишь в немногих работах (см., например, [13; 1; 16; 21; 2]). Отсутствие активного интереса к числительным как комплексному языковому феномену объясняется кажущейся самоочевидностью обозначаемого ими понятия числа, а также кажущейся простотой морфологии, словообразования и синтаксиса этого класса слов. Однако при более пристальном рассмотрении числительных то, что казалось простым и самоочевидным, предстает в ином свете. С одной стороны, возникает целый ряд проблем, связанных с самим классом числовых имен и требующих объяснения. С другой стороны, числительные, как наиболее «молодой» и (в силу своей понятийной природы) наиболее «логичный» класс, позволяют уяснить сущностные характеристики частей речи как языкового феномена – характеристики, менее доступные для наблюдения в других классах слов. Проблемой, рассматриваемой в данной статье, является категориальное значение числительных как части речи и то, как это значение явлено в её формальных характеристиках. Их вариативность свидетельствует о том, что категориальное значение числительных (равно как и других знаменательных частей речи) не является чем-то монолитным. Оно представлено несколькими обобщенными понятиями, сосуществование которых в рамках единого целого имеет определенные концептуальные основания. Их объяснение и является целью настоящей статьи.

Имя числительное как часть речи обозначает в первую очередь «наивное» число, используемое в повседневной жизни. Это число является абстрактной комплексной схемой¹ предназначенной для обработки информации об ограниченных *пространствах*, занимаемых предметами, и о *месте* этих пространств [2]. Четырьмя основными конститuentами комплексной концептуальной схемы «наивного» числа являются:

1. *равные нечленимые целые*, или отдельные ограниченные пространства (части): *X, X, X и т.д.*;
2. *неранжированные места*, занимаемые этими нечленимыми целыми (частями) в счетной сукцессии: *X перед X перед X и т.д.*;
3. *неравные членимые целые*, или наборы частей: *X=1, X+X=2, X+X+X=3 и т.д.*;
4. *ранжированные места*, занимаемые этими наборами в числовой сукцессии:
1 (меньше) < 2 (меньше) < 3 и т.д.

Комплексность понятия числа позволяет объяснить тот факт, что числовым именам («количественным» числительным) присущи четыре номинативные функции:

а) **индексальная**, когда число соотносится с отдельным нечленимым целым; например, *Agent 007 – Агент 007*;

б) **порядковая**, когда число соотносится с местом нечленимого целого в счетной сукцессии таких же частей; например, *page 1, page 2, etc. – страница 1, страница 2 и т.д.*;

в) **квантитативная (количественная)**, когда число обозначает членимое целое, или набор подобных частей; например: *five apples – пять яблок*;

г) **скалярная**, когда число указывает на интенсивность предметного признака. При этом в основе шкалы интенсивности может лежать:

а. понятие предшествования в неранжированной счетной сукцессии («раньше – лучше»); например, оценка деятельности организаций: *Number One bank – букв. Банк Номер Один*; места в спортивных соревнованиях и пр.;

б. понятие количества в ранжированной числовой сукцессии («больше – лучше»); например, оценка качества товаров и услуг: *three- (four-, five-) star hotel – трех-(четырёх-, пяти-) звездочный отель*; ранг: *one- (two-, three-, four-, five-) star general – одно- (двух-, трех-, четырех-, пяти-) звездочный генерал* (генеральские ранги в американской армии); система оценки знаний (*grades «5», «4», «3» – оценки «5», «4», «3»*), где «5» лучше, чем «4», а «4» лучше, чем «3» и пр.

Номинативные функции числительных становятся результатом когнитивной операции «профилирования» [23], акцентирования различных составляющих понятия числа (комплексной числовой схемы). Чаще всего числительные именуют количества, то есть наборы, или членимые ограниченные пространства. Тем самым значение количества является для класса числительных прототипическим. Прочие же значения, которые для числительного периферийны, сближают его с другими классами слов, для которых эти значения являются типовыми. При обозначении индекса числительные обнаруживают сходство с существительными – именами собственными. При обозначении места в счетной сукцессии числительные уподобляются относительным порядковым прилагательным. К последним, наряду с единицами типа *first, next, last*, целесообразно отнести и порядковые «числительные» *first, second, third, fourth, etc.*² Значение интенсивности предметного признака сближает числительные с качественными прилагательными в сравнительной и превосходной степени.

Обозначение числительным предметного индекса, места предмета в сукцессии, количества и интенсивности признака сопровождается определенными формальными показателями.

¹ В когнитивной лингвистике под *схемой* понимается категоризирующая абстракция, совместимая со всеми членами определяемой категории и имеющая фундаментальную значимость для протекания различных когнитивно-семантических процессов. Схема «абстрактна» в том смысле, что она абстрагирована, отвлечена от целого ряда конкретных языковых форм и значений в качестве их обобщения [23, с. 371; 17, с. 14].

² На целесообразность включения порядковых наименований в класс прилагательных неоднократно указывалось целым рядом исследователей (см., например, [10, с. 264–265; 12, с. 163; 13, с. 20; 16, с. 27; 2, с. 99–101]). Порядковые наименования, так же как и относительные прилагательные, именуют отношение; это отношение к обозначенному числительным месту в счетной сукцессии. Аргументом в пользу адъективной природы порядковых наименований становится также их формальное сходство с относительными прилагательными; ср. *the eighth page, the last / next page*. Примеры типа *Henry the Eighth* демонстрируют субстантивацию второго элемента, аналогичную субстантивации прилагательных, которая обусловлена эллипсисом модифицируемого существительного; ср. *Henry the Eighth (the eighth king by this name)* и *Peter the Great (the great king)*; аналогичным образом происходит субстантивация прилагательного в выражениях типа *the 8th (day) of January* и *January, the 8th (day)*.

- В английском языке (как и во многих других) числительное, именуемое количеством, стоит в препозиции к существительному, которое употребляется во множественном числе (за исключением употребления существительного с числительным *one – один*).
- При именовании места в сукцессии, интенсивности предметного признака или индекса числительное, как правило, стоит в постпозиции к существительному, которое употребляется в единственном числе: *page 2, place number 3, grade 5, Agent 007*.
- В отличие от места в сукцессии и показателя интенсивности, индекс не требует непрерывного числового ряда, присутствующего при счете.
- При обозначении интенсивности предметного признака, в отличие от обозначения места в сукцессии, числительное не является самодостаточным. В качестве показателя интенсивности выступает, как правило, нумерально-субстантивный комплекс вида «N + Num (словосочетание) / Num + N (сложное слово)», который может стоять как в пре-, так и в постпозиции к главному существительному, если в основе шкалы интенсивности лежит счетный, неранжированный порядок (ср. *Bank Number One, Number One Bank*) или же только в препозиции к главному существительному, если в основе шкалы интенсивности лежит количественный, ранжированный порядок (*five-star hotel*).

Наличие особых грамматических средств для выражения классом слов различных значений указывает на явление лексико-грамматической (частеречной) полисемии, предполагающей взаимосвязь нескольких значений одной и той же языковой единицы. Природу этой взаимосвязи иллюстрирует концептуальная сеть полисемии, построенная с учетом положений семантики лингвальных сетей (СЛС) как одной из методик концептуального анализа [3; 5; 6].

В СЛС для построения концептуальных сетей используются **базисные пропозиции**, которые имеют наивысший уровень обобщения, или схемности, и представляют изначальные категории мышления и типы реляций между ними. Тип пропозициональной схемы определяется по ее принадлежности к одному из пяти базисных фреймов – предметному, акциональному, посессивному, идентификационному и компаративному.

- Предметный фрейм объединяет **бытийные схемы – квантитативную** «X есть СТОЛЬКО-количество», **квалитативную** «X есть ТАКОЕ-качество», **локативную** «X существует / действует ТАМ / LC-локатив (начало, путь или место, конец)», **темпоральную** «X существует ТОГДА / ТМ-темпоратив (начало, отрезок или момент времени, конец)» и **схему способа бытия** «X существует ТАК-способ».
- Акциональный фрейм включает **акциональные схемы состояния / процесса** «AG-агнс действует», **контактного действия** «AG-агнс действует на РТ-пациент / АФ-аффектив» и **каузации** «CR-каузатор делает FT-фактитив». Данные схемы могут быть расширены за счет аргументных ролей *сирконстант* (разновидности: сопроводитель, помощник, контрагент, инструмент, медиатив), *стимул* (цель, причина), *предпосылка* (условие, уступка), *реципиент* (адресат, бенефактив / малефактив), а также за счет локативной и темпоральной схем.
- Посессивный фрейм конституируется **посессивными схемами партитивности** «WH-целое имеет PR-часть», **инклюзивности** «CR-контейнер имеет СТ-содержимое» / «СТ-содержимое имеет CR-контейнер» и **собственности** «OW-собственник имеет OD-собственность» / «OD-собственность имеет OW-собственника».
- Идентификационный фрейм объединяет **идентификационные схемы персонификации** «ID-индивид есть PS-персонификатор (имя собственное)», **классификации** «ID-индивид / вид есть CL-классификатор: вид / род» и **характеризации** «ID-индивид есть СН-характеризатор». Схема классификации соотносит идентификатив (индивидуальную или видовую сущность) с суперординатным таксоном (родо-видовым или титульным) как сущностью более общего плана, чем сам идентификатив; то есть классификатор есть абстрактный член класса – биологического, социального, профессионального, функционального, квалитативного и пр. В английском языке маркером классификатора становится неопределенный артикль *a* или его эквивалент (*this man is a teacher*). Схема характеристики соотносит индивид с самим собою: характеризатор конкретизирует индивид. В английском языке маркером характеризатора становится определенный артикль *the* или его эквивалент (*this man is the son of my sister*), в русском – оборот *тот ..., который (это тот человек, который является сыном моей сестры)*.
- Компаративный фрейм представлен **компаративными схемами тождества / метаморфозы**, «CV-компаратив есть / как / MS-коррелят», **сходства / аналогии** «CV-компаратив

есть как АН-коррелят» и *подобия / метафоры*. «CV-компаратив есть как бы МТ-коррелят»¹. Схема тождества / метаморфозы сравнивает сущность саму с собой, то есть коррелят есть тот же самый компаратив, но в его другой, дополнительной ипостаси (*диван-кровать, царевна-лягушка*). Схема сходства / аналогии устанавливает сходные черты у сущностей, принадлежащих к одной и той же понятийной сфере (*шапка-буденовка* «шапка как у Буденного»). Схема подобия / метафоры устанавливает сходные черты сущностей, которые относятся к разным понятийным сферам (камень *кошачий глаз*).

Базисные фреймы отличаются от фреймов в их традиционном понимании как концептуальных моделей стереотипных предметных ситуаций (например, фрейм «купли – продажи»). Базисные фреймы являются операциональными: они включают тематически сближенные пропозиции, используемые для *построения* концептуальных моделей стереотипных предметных ситуаций. Число пропозициональных схем, входящих в состав базисных фреймов, ограничено, но благодаря их различной комбинаторике, зависящей от специфики структурируемого понятийного пространства, можно получить неограниченное количество разнообразных конфигураций концептуальных сетей. (О других положениях СЛС, не являющихся релевантными для данного исследования, см. [6]).

Количество базисных пропозициональных схем ограничено, но благодаря их различной комбинаторике можно воссоздать неограниченное количество разнообразных конфигураций концептуальных сетей. Методика их построения, разработанная для анализа лексической полисемии [4], применима и для анализа лексико-грамматической полисемии, в частности, для установления связей между различными значениями класса числительных. Эти связи формируют концептуальную сеть, в состав которой входят схема персонификации, локативная схема, схема партитивности, схемы сходства и качественные схемы.

Схема персонификации

Согласно свидетельствам историков и этнографов, изучавших появление счета (см., например, [18; 24]), он возник в результате необходимости определять и фиксировать размеры предметных совокупностей. Изначально эта проблема решалась путем установления одно-однозначного соответствия между считаемым совокупным объектом и мерным эталоном, в качестве которого могли выступать камешки, палочки, зарубки, насечки, но чаще всего это были пальцы рук. Поначалу, когда члены первобытных сообществ еще не имели развитой системы счета, предметы-эталон располагали напротив предметов, размер совокупности которых требовалось установить. Если этот размер устанавливался с целью обмена, то последний производился один к одному [9, с. 286]. Предпосылкой для возникновения счета как такового была замена предметных «бирок» эталонного множества, применявшегося в операции установления одно-однозначного соответствия, на их названия [25, с. 258]. Таким образом, можно предположить, что первичным в связанных с числом (NB) номинативных процессах было значение *индекса* как знака отдельного нечленимого целого. Это значение возникло на базе идентификационной схемы персонификации, или индексации:

ID-индивид есть PS-персонификатор (= NB_{индекс}).

То есть имя единицы эталонного множества (пальцев, камешков, зарубок и пр.) становилось «меткой», индексом, опознавательным знаком предмета, с которым эта единица приводилась в одно-однозначное соответствие. Так, в ряде языков числительное *два* восходит к названию указательного пальца, а древние жители Мексики при счете животных включали в состав числительных компонент *тета* (камень) [там же, с. 215].

Локативная схема

Неотъемлемым элементом счета является сукцессия, линейная последовательность считаемых объектов (частей набора), каждому из которых присваивается индекс. Отсюда имя предмета, его индекс, становится также и обозначением *места*, занимаемого данным предметом в счетном ряду. В основе этого номинативного процесса лежит бытийная локативная схема:

X + NB_{индекс} есть ТАМ / LC (= NB_{место}).

¹ В компаративных схемах термин «компаратив» соотносим с терминами «(концептуальный) референт», «цель» (target), а термин «коррелят» соотносим с термином «источник» (source).

Именование места по находящемуся в нём объекту является типичным для языка явлением, широко представленным в системе топонимов.

Партитивная схема

Понятие количества также возникает на основе счета. Пространственно-временной образ из словесной счетной цепочки переносится в понятие абстрактной точной суммы входящих в целое однородных частей [21, с. 120]. Точная сумма, или **количество**, частей в наборе связана с *конечностью* счета (который сам по себе потенциально бесконечен). Важность конца счета для установления точной суммы частей в наборе придает особую значимость индексу последнего считаемого объекта. Этот индекс, имя последней считаемой части, становится именем количества – набора частей как целого. Тем самым значение индекса преобразуется в значение количества на основе посессивной партитивной схемы:

$$\text{WH-целое (= NB}_{\text{количество}}) \text{ имеет PR-часть (= X + NB}_{\text{индекс}}).$$

Схемы сходства и качественные схемы

Появление понятий о различных количествах (суммах) влечет за собой необходимость их упорядочения, что осуществляется с помощью уже не счетной, а числовой сукцессии, единицами которой являются не однородные, а разнородные сущности. Последние выстраиваются в ранжированной последовательности, где каждая последующая единица (набор, количество) больше предыдущей на единицу. Эта ранжированная последовательность и есть числовая сукцессия, или числовой ряд. В этой связи следует отметить, что опыты Ж. Пиаже в области онтогенеза числа проявляют взаимосвязь понятия ранговой иерархии величин с операцией сравнения различных по размеру предметов. Однако он не исключает и того, что в филогенезе одной из возможных предпосылок создания человеком идеи иерархии мог стать также социальный фактор – структура родоплеменных отношений [11, с. 242]. Подобное наблюдение встречается и у В.Н. Топорова в контексте описания сакральной роли числа в архаичных культурах [15, с. 7]. Идея социальной (родовой) иерархии, связанной не с величиной ранжируемых объектов, а со старшинством представителей рода, была объединена с понятием счетной сукцессии, которая, не будучи ранговой по своей изначальной природе, начинает мыслиться как ранговая в связи с присутствующей в ней идеей следования одного элемента за другим.

Обе сукцессии – счетная и числовая – становятся иерархическими шкалами для оценки степени выраженности предметного признака. При этом значение **интенсивности признака** приобретает, с одной стороны, имя *места* части в сукцессии, а с другой – имя *количества*. И в том, и в другом случае сравниваются единицы шкалы, то есть используется компаративная схема сходства, или аналогии, дополняемая качественной схемой. Аналогия предполагает установление различий у сходных объектов. При использовании **с четного ряда** сходными объектами становятся равновеликие части, их различия заключаются в месте, занимаемом ими в счетном ряду. При этом значение места преобразуется в значение интенсивности признака:

$$\text{а) CV-компаратив (= NB}_{\text{место-1}}) \text{ не есть как AN-коррелят (= NB}_{\text{место-2}})$$

$$\text{б) CV-компаратив (= NB}_{\text{место-1}}) \text{ есть ТАКОЕ (= NB}_{\text{интенсивность}}) : \\ \text{CV-компаратив (= NB}_{\text{место-1}}) \text{ есть раньше = лучше, чем AN-коррелят (= NB}_{\text{место-2}}).$$

При использовании **числового ряда** сравниваемыми объектами являются наборы, количества, различия которых заключаются в их разновеликости. Тем самым пропозициональная схема сходства, где значение количества преобразуется в значение интенсивности признака, принимает вид:

$$\text{а) CV-компаратив (= NB}_{\text{количество-1}}) \text{ не есть как AN-коррелят (= NB}_{\text{количество-2}})$$

$$\text{б) CV-компаратив (= NB}_{\text{количество-1}}) \text{ есть ТАКОЕ (= NB}_{\text{интенсивность}}) : \\ \text{CV-компаратив (= NB}_{\text{количество-1}}) \text{ есть меньше = хуже, чем AN-коррелят (= NB}_{\text{количество-2}}).$$

Рассмотренные базисные пропозиции – схема персонификации, локативная схема, схема партитивности, схемы сходства и качественные схемы – объединяются в концептуальную сеть

(рис. 1), которая демонстрирует характер связей между различными значениями класса числительных.

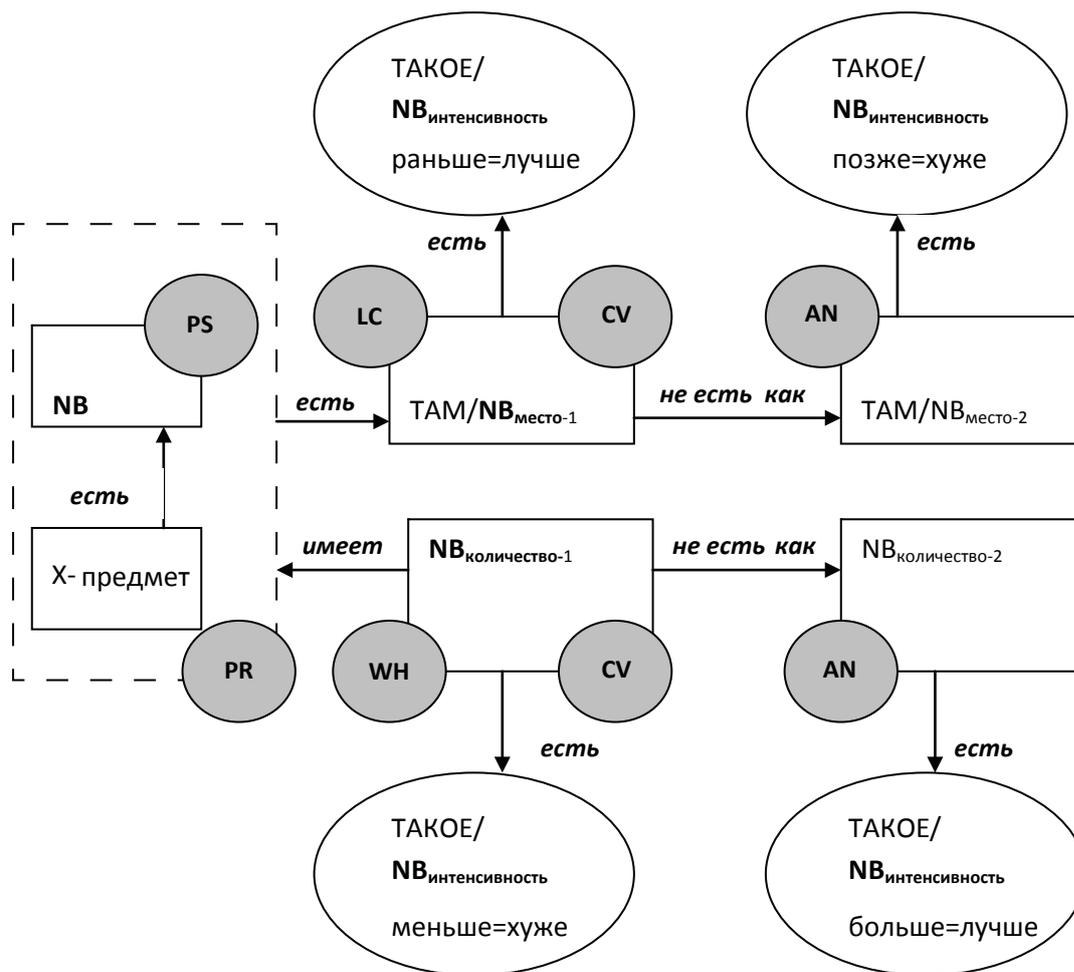

Рис. 1. Лексико-грамматическая (частеречная) полисемия класса числительных: концептуальная сеть

При анализе полисемии после построения концептуальной сети, объединяющей значения одной языковой формы, может быть рассмотрен характер динамики этой концептуальной сети в диахронии. К числу основных типов изменений в сети относятся:

а) *изменения в пределах сети*, когда при сохранении того же самого количества значений полисемантической единицы происходит их перегруппировка: значение или значения, имевшие статус прототипа, теряют таковой, смещаясь на периферию;

б) *взаимодействие сетей*: существующая сеть может расщепиться на несколько частей, соответствующих разным понятийным пространствам; либо же две сети, структурирующие разные понятийные пространства, могут слиться в одну [19, с. 228–237].

Со всей очевидностью, в концептуальной сети частеречной полисемии класса числительных имели место изменения и первого, и второго типов. На этапе возникновения счета прототипическим значением имени числа мог быть индекс; ныне же это значение сместилось на периферию, уступив место значению количества. В ходе становления понятия количества происходило также и расщепление сети: наряду со значениями, ассоциируемыми с отдельной частью (индекс; место; интенсивность признака, основанная на счетной сукцессии), появились значения, связанные с наборами частей (количество; интенсивности признака, основанная на количестве).

Методологический аппарат СЛС позволяет объяснить и другие особенности класса числовых имен, в частности, особенности их участия в различных номинативных процессах (см. об этом [14]). Положения СЛС применимы также для анализа концептуальных оснований прочих частей речи (см. об этом [7; 8]), категориальные значения которых, подобно значению числа, представлены рядом взаимосвязанных друг с другом обобщенных понятий.

Примечание

Данная статья является переработанной версией статьи автора «Лексико-грамматическая полисемия класса числительных: когнитивный аспект», опубликованной в сборнике «Мова й дискурс: вимір і вимірювання: міжвузівський збірник наукових праць до 75-річчя з дня народження доктора філологічних наук, професора, академіка Академії вищої школи України Світлани Олексіївни Швачко». – Суми: Вид-во Сум. ДУ, 2010.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арполенко Г.П. Числівник української мови / Арполенко Г.П., Городенська К.Г., Щербатюк Г.Х. – К. : Наукова думка, 1980. – 239 с.
2. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка) / Жаботинская С. А. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. – 216 с.
3. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 3–17.
4. Жаботинская С.А. Принципы лингвокогнитивного анализа и феномен полисемии / С.А. Жаботинская. // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя професора В.В. Левицького : статті – Чернівці, 2008. – С. 357–368.
5. Жаботинская С. А. Сетевая семантика: теория и практика / С.А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV : Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всерос. науч. конф. 11–12 апреля 2013 года / отв. ред., вып. Л.А. Фурс. – Москва-Тамбов: Ин-т языкознания РАН, Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 81–86.
6. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс. Междунар. электронный сб. науч. трудов. Харьковский нац. ун-т имени В. Каразина. – 2013. – № 6. – С. 47–76. – Режим доступа у статье: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no6-2013/zhabotynskaa-s-a>
7. Жаботинская С.А. Английское существительное: лингвокогнитивный аспект / С.А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. Вып. XV : Механизмы языковой когниции : сб. науч. трудов / ред. В.З. Демьянков. – М–Тамбов, 2013. – С. 137–149.
8. Жаботинская С.А. Наречия способа бытия: концептуальные основания / С.А. Жаботинская // Перші Почепцовські читання: Матеріали Міжнар. наук. конф., 25–27 вересня 2013 року. – К. : КНЛУ, 2023. – С. 41–43.
9. Лепская Н.И. Категория количества: её формирование в онто- и филогенезе / Н.И. Лепская // Структуры языкового сознания : статьи. – М., 1990. – С. 277–290.
10. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / Мещанинов И.И. – Л. : Наука, 1978. – 387 с.
11. Пиаже Ж. Генезис числа у ребенка // Ж. Пиаже. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже; пер. с фр. – М., 1969. – С. 233–565.
12. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / Смирницкий А.И. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959. – 400 с.
13. Супрун А.Е. Славянские числительные: Становление числительного как части речи / Супрун А.Е. – Минск : Изд-во Белорусского гос. ун-та, 1969. – 232 с.
14. Токарчук В.А. Номинативні одиниці з нумеральним компонентом: лінгвокогнітивний аналіз (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германська мови» / В.А. Токарчук. – Харків, 2013. – 20 с.
15. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах / В.Н. Топоров // Структура текста : статьи. – М., 1980. – С. 3–58.
16. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках / Швачко С.А. – К. : Вища школа, 1981. – 142 с.
17. Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1999. – № 10–1. – С. 1–31.
18. Dantzig T. Number: the language of science / Dantzig T. – N.Y. : Anchor Books, 1956. – ix, 345 p.
19. Dirven R. Cognitive exploration of language and linguistics / R. Dirven, M. Verspoor. – Amsterdam/ Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1998. – 300 p.
20. Hurford J.R. The linguistic theory of numerals / Hurford J.R. – Cambridge et al. : Cambridge University Press, 1975. – 293 p.
21. Hurford J.R. Language and number: the emergence of a cognitive system / Hurford J.R. – N.Y. : Basil Blackwell, 1987. – 322 p.
22. Indo-European numerals (Trends in linguistics. Studies and monographs ; 57) [coll. monograph / ed. by Z. Gvozdanovic]. – Berlin – New York : Mouton de Gruyter, 1982. – 937 p.

23. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites / Langacker R.W. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1987. – 516 p.
24. Menninger K. Number words and number symbols : a cultural history of numerals / Menninger K. – N. Y. : Dover Publications, Inc., 1992. – 480 p.
25. Tylor E. D. Primitive culture. V. 1 / Tylor E. D. – London : Murray, 1991. – 502 p.

У статті розглядається проблема багатозначності класу числівників, одиниці якого можуть позначати не тільки кількість предметів, а й предметний індекс, місце предмета в лічильній сукцесії та інтенсивність предметної ознаки. Оскільки різниця у значеннях супроводжується різницею в дистрибутивних характеристиках числових імен, їх багатозначність можна визначити як лексико-граматичну (частиномовну) полісемію. За умов полісемії значення однієї й тієї самої форми зв'язані між собою. Задля пояснення природи зв'язку між різними значеннями класу числівників у статті застосовується методологічний апарат когнітивної лінгвістики (семантики лінгвальних мереж).

Ключові слова: числівник, частиномовне значення, частиномовна полісемія, концептуальна мережа, семантика лінгвальних мереж.

The article deals with the problem of polysemy of numerals, which along with quantity of things denote their indexes, their places in a sequence, and the degree of their qualities as well. Therefore, these differences in meanings are exhibited by differences in distributive characteristics of numerals their polysemy may be defined as lexical-grammatical (part-of-speech) polysemy. Polysemy implies that the meanings, or senses, of a linguistic expression are related. This study explains the nature of relations between different meanings of the Numeral class from the standpoint of cognitive linguistics (semantics of lingual networks).

Key words: numeral, part-of-speech meaning, part-of-speech polysemy, conceptual network, semantics of lingual networks.

УДК 81'37

КОНЦЕПТИВНА ПРОЕКЦІЯ СЕМАНТИКИ

Приходько А.М.,

Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара

У статті розглядаються питання онтологічної та культурологічної сутності концепту, які дають підстави до широких когнітивно-комунікативних узагальнень щодо його природи, системного устрою та дискурсивно набутих властивостей.

Ключові слова: концепт, дискурс, домінанта, кодова варіативність концепту, об'єктивізація.

Об'єктом цієї статті є концепт – ментальний феномен, у якому поняттєве начало, проходячи через сито етнопсихологічної оцінки, органічно сполучується з лінгвокультурним [2; 3; 7; 8; 12]. Предметом розгляду є такі аспекти, як концептивна семантика, її культурологічні начала, межі та витоки, механізми і техніки об'єктивізації. Основною метою пропонованої статті є вивчення одного з актуальних питань лінгвокогнітології – онтологічної сутності (лінгво)концептів і їх системної організації в ракурсі когнітивно-дискурсивної парадигми знання.

На зламі тисячоліть чітко окреслилася орієнтація наукової думки на конвергентне вивчення когнітивних і комунікативних аспектів людської діяльності [1; 6; 10; 11; 16; 18; 19]. Синтез цих двох головних функцій з позицій лінгвофілософських поглядів на структуру і функції мови визначає в основних своїх рисах інтегральну когнітивно-дискурсивну (когнітивно-комунікативну) парадигму сучасної лінгвістики, яка розглядає мовленнєву діяльність на тлі внутрішніх ментальних процесів і визнає мову універсальною формою первинної концептуалізації довкілля та раціоналізації досвіду, скарбницею і виразником апріорного знання про світ.

Це, у свою чергу, зумовлює підвищений інтерес до вивчення мовних одиниць не лише в єдності їхніх когнітивних властивостей і дискурсивних параметрів, але й під кутом зору нових мовознавчих